

Н.Б. Виноградов¹, Н.А. Берсенева²

¹Челябинский государственный педагогический университет
пр. Ленина, 69, Челябинск, 454080, Россия

E-mail: vinogradov_n@mail.ru

²Институт истории и археологии УрО РАН
ул. С. Ковалевской, 16, Екатеринбург, 620990, Россия

E-mail: bersnatasha@mail.ru

ИНТРАМУРАЛЬНЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ ДЕТЕЙ НА ПОСЕЛЕНИЯХ ПЕРВОЙ ТРЕТИ II ТЫС. ДО Н.Э. В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ*

Статья посвящена редкому для бронзового века Южного Зауралья источнику – интрамуральным погребениям детей на синташтинских и петровских памятниках. Анализ и интерпретация материала позволили предложить несколько объяснительных моделей, одна из которых связана с культом плодородия и предков, а другая – с внутрисемейными и сентиментальными аспектами жизни людей эпохи бронзы.

Ключевые слова: интрамуральные детские погребения, бронзовый век, Южное Зауралье, синташтинская культура, петровская культура.

Введение

Традиция совершения погребения умерших в постройках (жилых или оставленных) имеет широкое распространение во времени и пространстве. Считается, что появление этой одной из древнейших форм погребального обряда маркирует собой переход к оседлому образу жизни и производящему хозяйству [Антонова, 1990, с. 38]. Данная традиция восходит к мезолитическому времени Ближнего Востока и ассоциируется с поселениями первых земледельцев [Там же, с. 38; Scott, 1999, р. 95]. Но если обычай погребения взрослых в «домашнем контексте» в основном ограничен мезолитом – неолитом,

то интрамуральные детские захоронения практиковались в обществах различного уровня сложности, включая государства.

На Южном Урале в эпоху бронзы дети обычно погребались на общих кладбищах, составляя значительный процент умерших [Берсенева, 2010]. Несмотря на это, детские захоронения обнаружены и на синхронных поселениях. Традиция, вероятно, была привнесена на данную территорию синташтинским населением и получила свое развитие в последующий, срубно-алакульский период. Оценить распространение данного обычая трудно, т.к. лишь немногие поселения раскапывались большими площадями и материалы части из них опубликованы неудовлетворительно. Тем не менее такие случаи не были единичными [Алаева, 1998] и представляли собой очевидное исключение из общей обрядовой практики.

Целью данного исследования является введение в научный оборот и интерпретация детских интрамуральных погребений первой трети II тыс. до н.э.

*Работа выполнена в рамках программы научно-исследовательской работы «Среда обитания и социокультурное пространство Южного Урала и Зауралья в эпоху палеометалла» и интеграционного проекта УрО РАН и СО РАН «Культура, социум и человек в эпоху палеометалла (Урал и Западная Сибирь)».

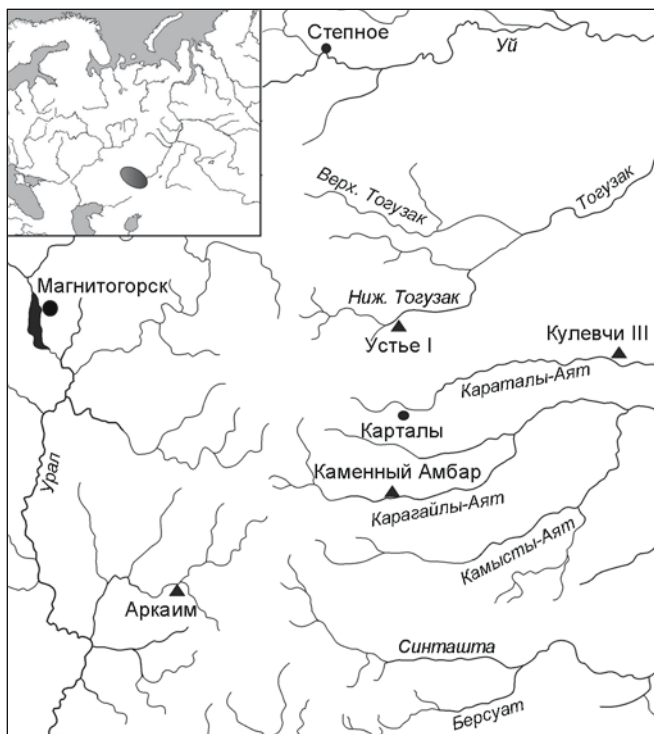

Рис. 1. Расположение синташтинских и петровских поселений, где были найдены интрамуральные детские погребения.

на территории Южного Зауралья*. Захоронения детей под полами построек обнаружены на всех синташтинских поселениях, которые раскапывались большими площадями: Аркаим, Устье I** и Каменный Амбар [Алаева, 1998; Зданович, 1997, 2010; Корякова и др., 2011]***, а также на петровском Кулевчи III [Виноградов, 1982] (рис. 1). Детские погребения располагались при входе и вблизи стен построек (Аркаим, Устье I, Кулевчи III), в колодце (Аркаим), рядом с ним в центре жилища (Каменный Амбар).

Источники

Поселение Каменный Амбар. Оно имело длительную историю функционирования. Стратиграфически и путем радиоуглеродного датирования выделено как

*Интрамуральные погребения более позднего, срубно-алакульского периода совершались в основном за пределами жилого пространства, в т.н. зольниках, и, безусловно, заслуживают отдельного рассмотрения.

**На Устье детские погребения соотносятся с петровским горизонтом обитания.

***Исключение составляет Синташта, где темп спасательных работ, по-видимому, не способствовал качеству раскопок.

минимум два периода заселения – синташтинский* и срубно-алакульский (XXI–XVII вв. до н.э.) [Корякова и др., 2011, с. 72–73]. Частично или полностью раскопаны пять построек, относящихся к синташтинскому времени, и лишь в одной из них (постройка 2) обнаружено детское захоронение (рис. 2, А).

Погребение в постройке 2 (рис. 2, Б). Оно найдено в ходе исследования колодцев на глубине –142 см от нуля под слоем материковой глины. Расчистка выявила залегающую наклонно деревянную конструкцию, ориентированную длинной осью по линии ССВ – ЮЮЗ. В плане она имела прямоугольную форму и представляла собой нечто вроде щита: на две длинные плахи (доски?) были положены более короткие поперечные. Сохранившаяся длина конструкции от 80 до 110 см, ширина 50, толщина 4–5 см. Поперечные плахи съехали вниз по направлению к колодцу 1а. Перепад высот между краями щита составил 35–40 см. В южной части конструкции (на ее «верху») был обнаружен сосуд синташтинского облика (рис. 2, В), а несколько севернее – лежавшие компактно черепные кости младенца (?), очень тонкие, плохой сохранности. Ниже найдено еще несколько частей скелета: хрупкие обломки ребер, возможно, бедренных или берцовых костей. Еще

ниже по склону, в северном конце деревянной конструкции на глубине –177 см от нуля расчищен жертвенник, состоявший из черепа и костей конечностей овцы [Там же, рис. 7]. Умерший младенец, судя по расположению его черепа, был ориентирован головой на ЮЮЗ. Сохранившегося сопроводительного инвентаря, за исключением сосуда, не было. Деревянный щит представлял собой перекрытие могильной ямы, т.к. некоторые древесные волокна находились поверх черепных костей. Судя по всему, погребение было совершено в синташтинское время в полу постройке 2. Глубина от ее пола могла составлять приблизительно 60–70 см. Далее яма была забутована глиной. Пол более поздней постройки 3, уничтожившей в этом месте синташтинский слой, находился в 10–15 см выше погребения. Трудно с уверенностью судить о соотношении данного захоронения и колодца 1а. Оно могло быть устроено раньше колодца или одновременно с ним, но вряд ли позже, т.к. при руинировании последнего подвижки близлежащего грунта затронули и погребение, которое сдвинулось вниз в направлении колодца. Стратиграфическая ситуация не позволяет судить об очередности совершения захоронения и возведения постройки 2. Очевидно лишь, что

*Несмотря на наличие керамики петровского типа, объекты, уверенно интерпретируемые как петровские, пока не выявлены.

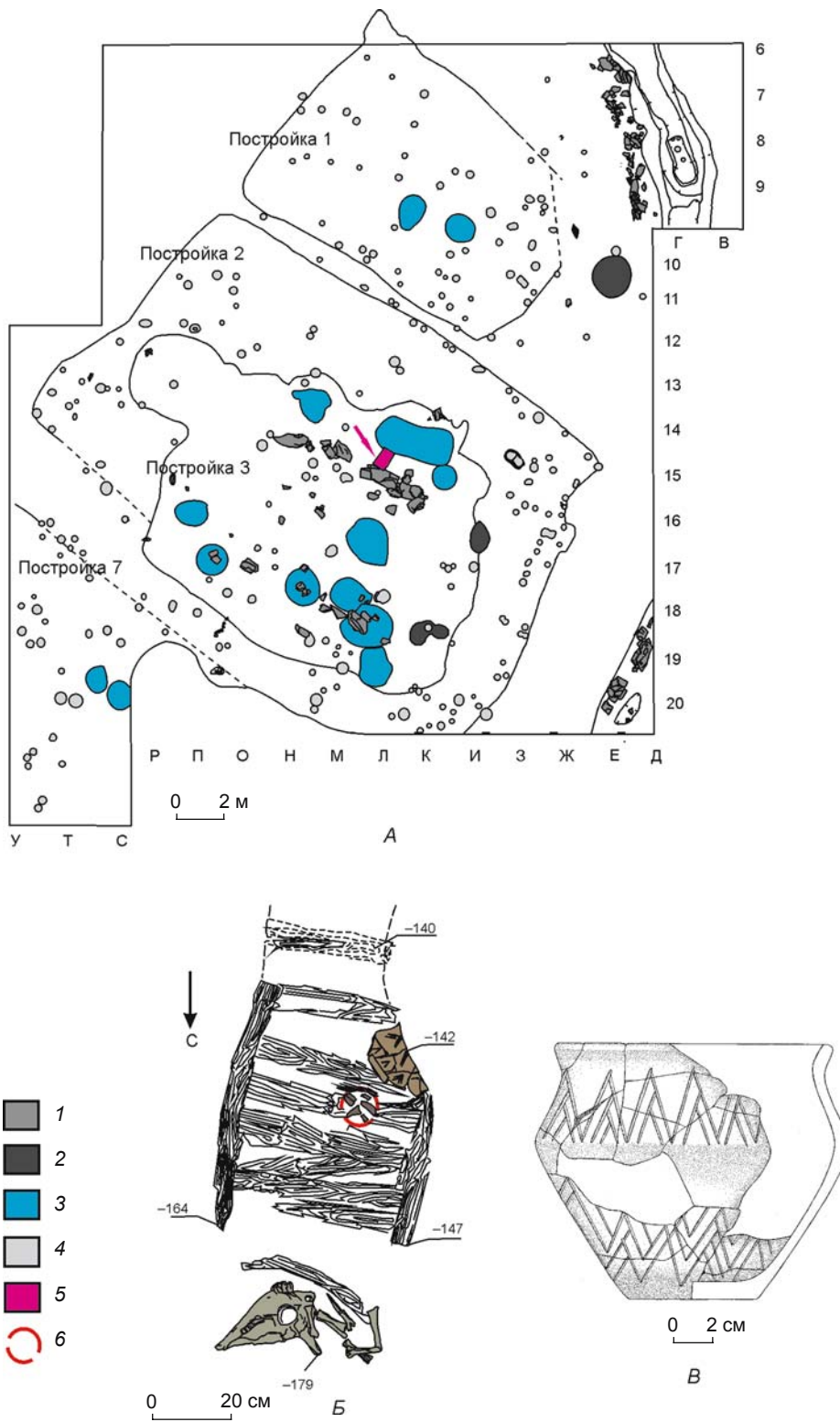

Рис. 2. Планы укрепленного поселения Каменный Амбар (А), детского погребения в постройке 2 (Б) и керамический сосуд из него (В) [Корякова и др., 2011].
 1 – камни; 2 – крупные ямы; 3 – колодцы; 4 – ямки от столбов; 5 – локализация детского погребения; 6 – местонахождение черепных костей в погребении.

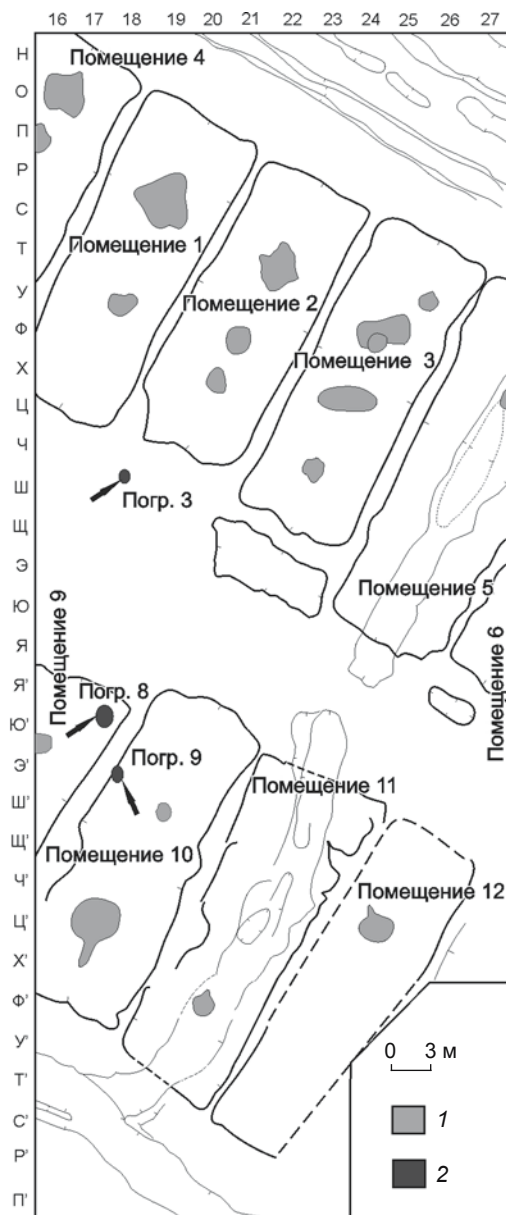

Рис. 3. План поселения Устье I.
1 – колодцы; 2 – локализация детских погребений.

последняя как минимум была жилой после сооружения погребения. Не исключен также вариант его создания при закладке постройки.

Поселение Устье I (рис. 3). Здесь зафиксированы два основных строительных горизонта – синташтинский и петровский. Позднее восточная периферия этого памятника была освоена алакульско-срубным населением (поселение Устье III позднего бронзового века)* [Виноградов, 1988]. Частично или полностью раскопаны 13 жилых помещений, отнесен-

*Здесь в т.н. зольнике было обнаружено еще несколько захоронений младенцев.

ных автором к петровскому времени*. Детские погребения обнаружены в двух котлованах строений и, вероятно, в площади наземной конструкции.

Погребение 3 (рис. 4, А). Оно впервые было зафиксировано на уровне материка и представляло собой овальное в плане углубление размерами 70×48 см, глубиной 20 см. Стенки круто опускались до дна (+10 см). Заполнение – серый золистый грунт. В северо-западной части ямы на дне найден сосуд петровского типа. Чуть восточнее его находились кости сильно фрагментированного черепа ребенка возрастом ок. 1 года**. В центральной части ямы у дна обнаружены переотложенные остатки посткраниального скелета. Умерший, судя по расположению черепных костей, был ориентирован головой на СЗ. Установить положение тела ребенка в могильной яме не представлялось возможным.

Особенности формы и орнамента сосуда позволили идентифицировать его как петровский, а захоронение отнести к петровскому периоду истории укрепленного поселения Устье I. Погребение 3 находилось, скорее всего, под неким легким навесом, относящимся к помещению 2, т.к. здесь выявлены ямки от столбов и углубление с петровским сосудом в нем. К сожалению, культурный слой на этом участке сильно пострадал от распахивания, и нет возможности уверенно говорить о перекрывающем захоронение слое.

Погребение 8 (рис. 4, Б). Оно обнаружено в котловане петровского помещения 9 на покатоке с востока на запад площадке. В непосредственной близости от входа в постройку со стороны внутренней «улицы», у восточного угла помещения под слоем глиняной обмазки пола была расчищена яма округлых очертаний размерами 105×115 см, ориентированная по линии ССВ – ЮЮЗ. Поскольку яма находилась на наклонной поверхности, ее юго-юго-восточный край впервые был зафиксирован на глубине +10 см, а противоположный, северо-северо-западный – лишь на глубине –12 см. Стенки ямы достаточно круто опускались до дна, зафиксированного на отметке –42...–44 см. Таким образом, глубина могилы от уровня первой фиксации составила от 30 до 54 см. Яма была заполнена однородным серым золистым грунтом.

*Н.Б. Виноградов применяет термин «помещение» для элементов застройки внутренней площадки, поскольку ни одно из них не является отдельно расположенным. По данным раскопок, помещения имели единую кровлю, смежные стены, а также фиксируемые в различной степени проходы из одного в другое. Сама застройка внутренней площадки реконструируется как два массива помещений под единой кровлей, расположенных вплотную вдоль внутренней стороны обводной оборонительной стены.

**Здесь и далее определения возраста выполнены Е.П. Китовым (ИЭА РАН).

Рис. 4. Планы детских погребений 3 (А), 8 (Б), 9 (В) и керамические сосуды из них. Поселение Устье I.

В придонной части заполнения и на дне обнаружены остатки костяков двух детей, погребенных не одновременно, а с неким временным промежутком, друг за другом. Первым здесь был захоронен младенец возрастом 0–6 мес., скорее всего, новорожденный (рис. 5). Обширная нора частично разрушила его скелет. Отсутствуют кости таза, бедренные. Кости рук частично утрачены, другие смещены. Череп фрагментирован. Позиция погребенного в момент захоронения не может быть достоверно описана. Однако находящиеся *in situ* берцовые кости ребенка позволяют с определенной долей вероятности говорить о том, что умерший был уложен на правый бок, головой на ССВ. На уровне берцовых костей находился фрагментированный керамический сосуд. Спустя достаточно продолжительное время в той же яме было произведено захоронение второго ребенка, возрастом ок. 1 года. В этом случае позиция погребенного может быть установлена уверенно: на левом боку, головой на ССВ, кисти обеих рук располагались в области таза, согнутые в коленях ноги – на сосуде из инвентаря первого ребенка. Череп сильно фрагментирован. Поставленный перед лицом умершего керамический сосуд оказался на черепных костях первого ребенка.

Погребение 9 (см. рис. 4, В). Оно обнаружено в котловане помещения 10, непосредственно у его северо-восточного борта. С глубины +25 см фиксировалась вытянутая с севера на юг округлая яма с выступом в южной стороне. Ее абсолютные размеры 90×70 см. Основной грунт заполнения серый золистый, лишь в придонной части залегал тонкий (7–8 см) слой гумусированного глинисто-песчаного. С учетом его мощности общая глубина ямы от уровня первой фиксации составила ок. 35 см. На поверхности гумусированного глинисто-песчаного грунта, на уровне от 0 до +5 см были расчищены скелетные остатки ребенка: три обломка ребер (?) и сильно разрушенный небольшой фрагмент кости. С восточной стороны от них находился петровский сосуд. Погребение связывается с функционированием помещения 10 и, судя по облику сосуда, относится к петровскому периоду истории укрепленного поселения Устье I.

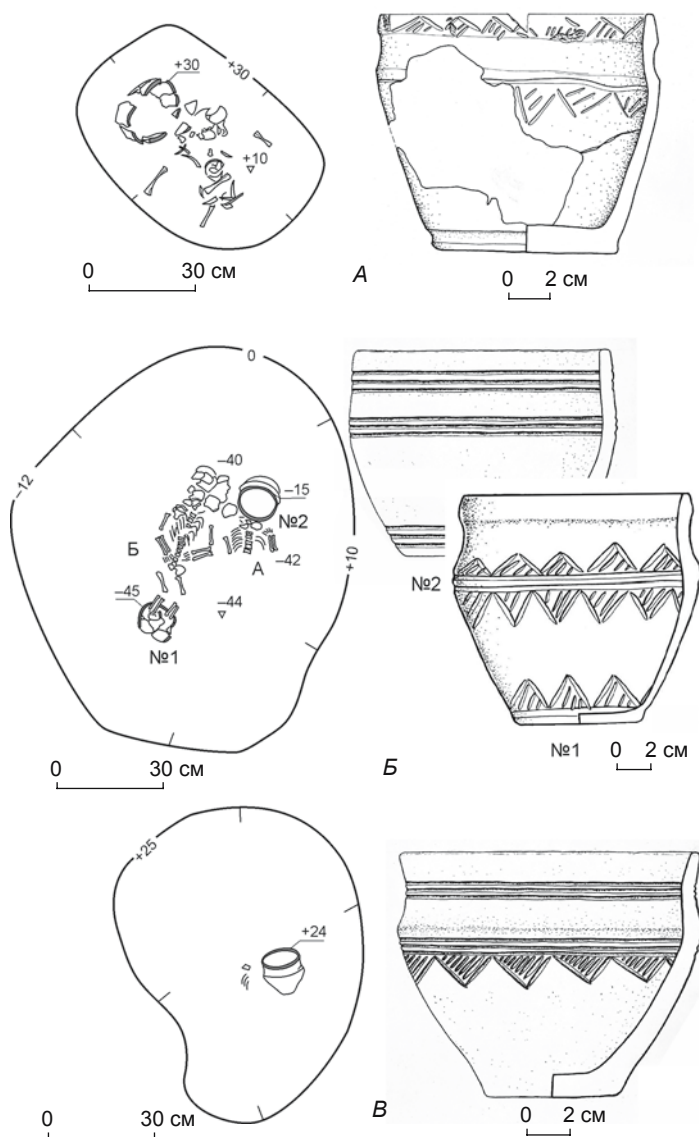
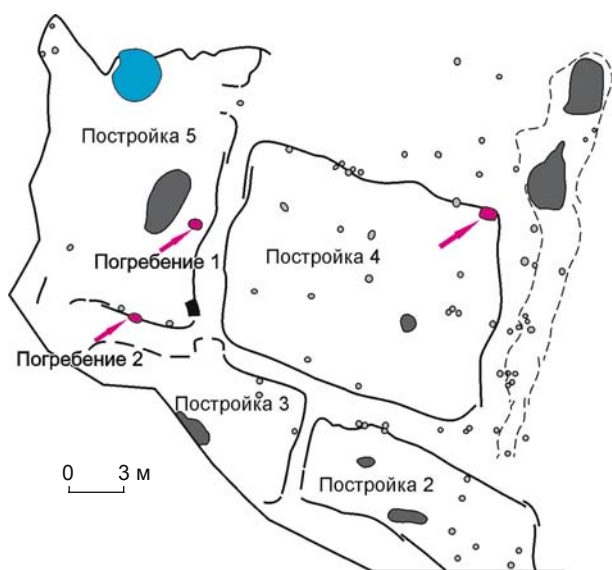
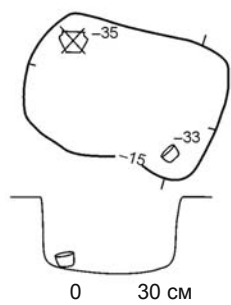

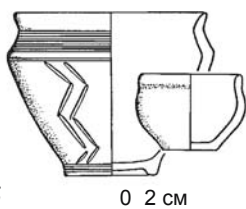
Рис. 5. Детское погребение 8 на поселении Устье I.

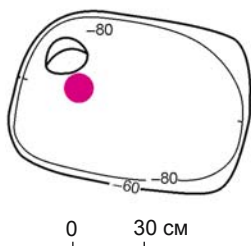
А

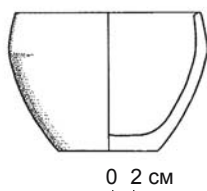
Б

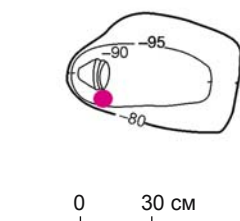
0 2 см

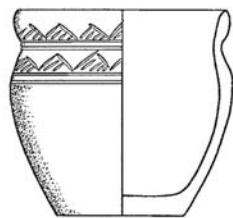
В

0 2 см

Г

0 2 см

Рис. 6. Планы поселения Кулевчи III (А), детских погребений в постройках 4 (Б), 5 (В, Г) и керамические сосуды из них.

1 – колодец; 2 – ямки от столбов; 3 – крупные ямы; 4 – местонахождение детских костей в погребениях.

Порядок залегания слоев на дне ямы может быть объяснен тем, что могила, вероятно, перекрыла и частично прорезала более раннее углубление, т.к. массив петровских помещений на данном памятнике наложился на синташтинскую застройку площадки.

Поселение Кулевчи III (рис. 6, А). На этом памятнике зафиксированы два строительных горизонта – петровский и алакульский [Виноградов, 1982, с. 96]. Исследованы остатки семи жилищ, пять из которых связаны с петровским временем. В двух из этих построек (№ 4 и 5) обнаружены детские погребения.

Погребение в жилище 4 (рис. 6, Б). При разборке культурного слоя с глубины –15 см наблюдалось углубление прямоугольной формы со скругленными углами, размерами 85×60 см, ориентированное по линии ЗСЗ – ВЮВ. Юго-западная стенка опускалась до дна более круто, чем северо-восточная. Яма заглублена в материк на 30 см. Заполнение представляло собой перемешанный в результате деятельности грызунов грунт, состоящий из гравия, песка, глины и золы. В яме встречены обломок трубчатой кости животного и два зуба лошади. На дне, на глубине –33...–35 см, в северо-западном и юго-восточном углах обнаружены два сосуда, один из которых петровского типа. Несмотря на то что костные остатки ребенка не сохранились, размеры ямы и наличие сосудов позволяют интерпретировать ее как детское захоронение.

Погребение 1 в жилище 5 (рис. 6, В). У середины юго-восточной стены под полом на глубине –60 см была зафиксирована яма подпрямоугольных очертаний, размерами 70×52 см, ориентированная по линии ЗСЗ – ВЮВ. Стенки довольно круто опускались ко дну, отмеченному на глубине –82 см. Яма была заполнена перемешанным грунтом. На дне, в северо-западном углу, обнаружены остатки черепных костей ребенка и сосуд баночного типа.

Погребение 2 в жилище 5 (рис. 6, Г). Под юго-западной стеной строения, ближе к юго-восточному углу, на уровне материка (глубина –80 см) выявлены очертания ямы подпрямоугольной формы, сильно скругленной с северо-западной стороны. Размеры 68×45 см, ориентация по линии ЗСЗ – ВЮВ. Западная стенка круто опускалась ко дну, остальные более полого. На глубине –95 см яма приобрела овальную форму, ориентировку по линии З – В и размеры 56×26 см; заполнение – перемешанный грунт. Дно зафиксировано на глубине –97 см. На нем в западной части ямы обнаружены мелкие фрагменты черепных и трубчатых костей ребенка и сосуд петровского типа.

На поселении Кулевчи III детские захоронения находились под глиняной обмазкой пола жилищ, что равно указывает на возможность погребения детей как при строительстве сооружений, так и в период их функционирования.

Обсуждение

Раскопки поселений эпохи бронзы большими площадями и публикации материалов исследованных памятников позволили хотя бы приблизительно оценить распространение традиции детских интрамуральных захоронений в Южном Зауралье. С учетом неопубликованных, но упоминаемых в литературе погребений в Аркаиме [Зданович, 1997, с. 62] синташтинскими и петровскими являются как минимум десять. При этом собственно синташтинским можно, вероятно, пока считать лишь одно – на поселении Каменный Амбар. Оно характеризуется значительной глубиной от уровня пола жилища (70 см), наличием деревянной конструкции и жертвенника, располагалось в центре постройки близ колодца. Петровские погребения были устроены в ямах небольших размеров, относительно мелких (глубиной 20–30, максимум 50 см) и содержали только посуду. Их местоположение тяготеет к входам, стенам и углам помещений. Надо отметить, что во всех случаях обряд интрамуральных захоронений в целом соответствует экстрамуральному, включая ориентировку умерших.

К сожалению, половозрастные определения сделаны не для всех погребенных. В неглубоких могилах на поселении Кулевчи III остался лишь тлен от черепных костей, а в одном случае кости не сохранились вовсе. Вероятно, погребенные были едва родившимися младенцами. Такая же ситуация, несмотря на основательную глубину ямы, зафиксирована на поселении Каменный Амбар. В погребениях Устья I двое детей в возрасте ок. 1 года, один новорожденный, а кости четвертого почти полностью истлели. Таким образом, можно утверждать с большой долей уверенности, что среди погребенных преобладали дети возрастом от 0 до 6 мес.

Истоки рассматриваемого обряда на территории Южного Урала так же загадочны, как и происхождение самой синташтинской культуры. Взгляд на запад, юго-запад и юг в поисках аналогий уводит нас очень далеко не только территориально, но и хронологически – как минимум в ранний бронзовый век земледельческих культур Балкан и Средней Азии [Мишина, 2010; Хронология..., 2005, с. 324–325]. Ближайшие синхронные синташтинско-петровскому горизонту интрамуральные захоронения, как ни странно, можно обнаружить лишь на Алтае [Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2004, с. 80–83; Кирюшин, Тишкин, Грушин, 2011, с. 25]. При раскопках елунинского поселения Березовая Лука (XXII–XX вв. до н.э.) [Кирюшин, Тишкин, Грушин, 2011, с. 76] обнаружены минимум девять детских погребений. Три были устроены по углам постройки 1, одно снаружи, но близ ее стены и еще одно на восточной периферии поселения в центре предполагаемой наземной постройки 4. Посуда в погребениях отсутствовала, но найдены кости мелкого рогато-

го скота и в одном случае свинцовая серьга. Возраст детей определен в пределах 0–4 мес. Остальные погребения находились в межжилищном пространстве в переотложенном состоянии и в зольнике. Авторы отмечают, что признаки обряда в целом соответствуют принятому в елунинской культуре экстрамуральному способу захоронения, однако интерпретируют погребения в постройках как намеренный инфантицид [Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2004, с. 222].

В постсинташтинское время детские погребения на поселениях можно найти среди материалов культур поздней бронзы как по обе стороны Урала, так и в Западной Сибири и Казахстане [Ткачев, 1999, с. 2–3; Чича..., 2004; Обыденнова, Шутелева, Щербаков, 2002; Нелин, 2004, с. 152] (см. также: [Новикова, 2011]).

За годы исследований было предложено множество трактовок интрамурального обряда с опорой на исторические и этнографические источники (см., напр.: [Алекшин, 1986, с. 152–153; Антонова, 1990, с. 86; Scott, 1999, p. 99–102; Boric, Stefanovic, 2004, p. 541–543; Beilke-Voigt, 2008, p. 26; Мишина, 2010, с. 140; Новикова, 2011]). В целом поиск объяснений захоронения детей в жилом пространстве ведется в двух основных направлениях. Одна группа версий предполагает совершение жертвоприношения при закладке строения и связанный с этим инфантицид, что может быть, впрочем, двумя сторонами одной медали. Другие гипотезы основываются на допущении факта естественной смерти детей, а погребение в домах объясняют причинами религиозного характера или более приземленными намерениями взрослых, в зависимости от контекста. В последнее время детские интрамуральные захоронения все больше интерпретируются в этом ключе. Несмотря на то что практика инфантицида надежно документирована в письменных и этнографических источниках, с помощью археологических методов доказать намеренное убийство ребенка очень трудно. Поэтому предпочтение отдается гипотезам, основанным, например, на идее «возрождения умерших младенцев» в той же семье или сохранения фертильности проживающих в доме женщин (см.: [Алекшин, 1986, с. 152; Scott, 1999, p. 105–107; Beilke-Voigt, 2004]). Кроме того, погребения под полами жилищ все чаще связывают с проявлениями культов предков и плодородия [Бибииков, 1953, с. 197–198; Scott, 1999, p. 102]. Так, с точки зрения исследователей мезолита и неолита Балкан, целью этих захоронений могло быть, например, «сохранение репродуктивной способности строения как места проживания семьи (линиджа)» [Boric, Stefanovic, 2004, p. 541]. Вероятно, фертильность как-то связывалась в сознании людей с местом их проживания. Идея связи рождения и смерти, одна из центральных в культе плодородия, нигде не проявляется так наглядно, как при погребении только что родившегося ребенка.

Интерпретация

Возвращаясь к захоронениям в синташтинских и петровских постройках, следует, вероятно, отвергнуть версию о «строительных жертвах». Нет никаких свидетельств намеренного умерщвления детей. Нет также бесспорных оснований полагать, что могилы сооружались при строительстве. Очевидно только одно обстоятельство: жилища функционировали в то время, когда дети были уже погребены под полом. Перекрытое обмазкой пола погр. 8 на поселении Устье I, явно вскрывавшееся с целью подхоранивания, может доказывать это. Детские могилы обнаружены не в каждой постройке. Их контекст свидетельствует о проявленной взрослыми заботе: дети были уложены в общепринятую позицию, сопровождаемы посудой, а в одном случае жертвенным животным. Кроме того, надо отметить, что большинство детских погребений находились вблизи углов, стен котлованов или входов в постройки (проходов из помещения в помещение), но в местах наименьшего движения, что можно наблюдать и на других памятниках различных периодов и регионов [Чича..., 2004, с. 181, 199; Мишина, 2010, с. 141; Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2004, с. 217; Хронология..., 2005, с. 325]. Традиционно эти места считались более «чистыми», чем другие [Veilke-Voigt, 2008, p. 28]. Различный возраст детей, пример последовательного захоронения в одной яме двух индивидов – новорожденного и годовалого – также могут служить подтверждением гипотезы о ненасильственной смерти.

Почему дети были погребены во внутрисемейном пространстве? Для синташтинского и петровского обществ такая практика не являлась общей. Возможно, необычные действия диктовались складывавшейся время от времени ситуацией, например, потерей большого числа детей, животных или другими vitalными мотивами. Забота о сохранении или восстановлении фертильности (людей, скота) могла играть главную роль в таких обрядах, даже если дети в силу чрезвычайных обстоятельств были умерщвлены намеренно. Но и в этом случае, согласно идеологии фертильности (а ее мощное влияние отражено в жертвенных комплексах, сопровождающих погребенных на экстрамуральных кладбищах [Зданович, 2005]), смерть ребенка может рассматриваться как символ возрождения и быть использована для поддержания отношений между живущими и умершими, людьми и божествами.

Более прозаичное объяснение состоит в том, что захоронение младенцев и очень маленьких детей было, вероятно, внутрисемейным делом и не требовало соблюдения обязательных норм и ритуалов, как погребение взрослых или детей более старшего возраста. Некоторые семьи желали, чтобы их дети и пос-

ле смерти оставались «при них». Этот обычай оставления умерших младенцев в «домашнем» контексте пережил века [Байбурин, 1983; Boric, Stefanovic, 2004; Мишина, 2010]. Косвенным подтверждением сказанному может служить тот факт, что детские погребения найдены на синташтинских и петровских памятниках далеко не во всех жилищах.

В заключение хотелось бы отметить, что, несмотря на скромную выборку, поднятая тема чрезвычайно актуальна, т.к. напрямую обращается к вопросам происхождения синташтинской и петровской культур, а также позволяет исследовать важные аспекты мировоззрения их носителей. Мы призываем коллег к публикации материалов, связанных с этим редким для Урала и Западной Сибири феноменом.

Благодарности

Авторы выражают искреннюю благодарность Е.П. Китову (ИЭА РАН) за определения возраста смерти погребенных и И.П. Алаевой (ЧГПУ) за помощь в сборе информации.

Список литературы

- Алаева И.П.** Традиция детских погребений на синташтинских и петровских памятниках Южного Зауралья // Материалы XXX Урало-Поволжской археол. конф. молодых ученых. – Самара, 1998. – С. 84–85.
- Алексин В.А.** Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ (по археологическим материалам Средней Азии и Ближнего Востока). – Л.: Наука, 1986. – 191 с.
- Антонова Е.В.** Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. – М.: Наука, 1990. – 287 с.
- Байбурин А.К.** Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. – Л.: Наука, 1983. – 192 с.
- Берсенева Н.А.** Социализация детей как одно из направлений социокультурной адаптации в древних обществах // Урал. ист. вестн. – 2010. – № 2 (27). – С. 143–146.
- Бибиков С.Н.** Поселение Лука Врублевская. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 460 с. – (МИА; № 38).
- Виноградов Н.Б.** Кулевчи III – памятник петровского типа в Южном Зауралье // Памятники эпохи неолита и бронзы. – М.: Наука, 1982. – С. 94–99. – (КСИА; вып. 169).
- Виноградов Н.Б.** Отчет об археологических исследованиях на территории Челябинской и Курганской областей в 1988 году // Архив научной лаборатории археологических исследований и школьного археологического краеведения ЧГПУ.
- Зданович Д.Г.** Синташтинское общество: социальные основы «квазигородской» культуры Южного Зауралья эпохи средней бронзы / Специализир. природ.-ландшафт. и ист.-археол. центр «Аркаим». – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1997. – 93 с.
- Зданович Д.Г.** Жертвоприношения животных в погребальном обряде населения степного Зауралья эпохи сред-

ней бронзы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2005. – 23 с.

Зданович Д.Г. Княженские курганы: точка на археологической карте // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала: сб. науч. тр. к 70-летию Г.Б. Здановича. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2010. – Ч. 1. – С. 162–178.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – Т. 1. – 288 с.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2011. – Т. 2. – 171 с.

Корякова Л.Н., Краузе Р., Епимахов А.В., Шарапова С.В., Пантелеева С.Е., Берсенева Н.А., Форнасье Й., Кайзер Э., Молчанов И.В., Чечушков И.В. Археологическое исследование укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино) // Археология, антропология и этнография Евразии. – 2011. – № 4. – С. 61–74.

Мишина Т.Н. Социальный аспект изучения интрамуральных детских погребений (по материалам эпохи ранней бронзы телля Юнаците, Балканы) // КСИА. – 2010. – Вып. 224. – С. 136–149.

Нелин Д.В. Шибаетово 1: поселение эпохи бронзы в Южном Зауралье // Вестн. Челяб. гос. пед. ун-та. – 2004. – Вып. 2. – С. 150–180.

Новикова О.И. Интрамуральные погребения эпохи бронзы Западной Сибири: проблемы интерпретации // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. – СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. – Т. I. – С. 261–262.

Обыденнова Г.Т., Шутелева И.А., Щербаков Н.Б. Место Мурадымовского поселения в системе памятников бронзового века Башкирского Приуралья // Степи Евразии

в древности и средневековье: мат-лы науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. – СПб., 2002. – Кн. 1. – С. 205–206.

Ткачев А.А. Особенности нуртайских комплексов Центрального Казахстана // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 1999. – Вып. 2. – С. 2–29.

Хронология эпохи позднего энеолита – средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). – СПб.: Нестор-История, 2005. – 540 с. – (Тр. ИИМК РАН; т. XVI).

Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи / В.И. Молодин, Г. Парцигер, Ю.Н. Гаркуша, Й. Шнеевайс, А.Е. Гришин, О.И. Новикова, М.А. Чемякина, Н.С. Ефремова, Ж.В. Марченко, А.П. Овчаренко, Е.В. Рыбина, Л.Н. Мыльникова, С.К. Васильев, Н. Бенеке, А.К. Манштейн, П.Г. Дядьков, Н.А. Кулик. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. 2. – 336 с.

Beilke-Voigt I. Burials of Children in Houses and Settlements during the Roman Iron Age and Early Medieval Period in Northern Germany and Denmark // Children, Identity and the Past / eds. L.H. Dommasnes, M. Wigglesworth. – Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2008. – P. 16–35.

Boric D., Stefanovic S. Birth and death: infant burials from Vlasac and Lepenski Vir // Antiquity. – 2004. – N 301 (78). – P. 526–546.

Scott E. The Archaeology of Infancy and Infant Death. – Oxford: Archaeopress, 1999. – 136 p. – (BAR Intern. Ser.; N 819).

*Материал поступил в редколлегию 21.12.12 г.,
в окончательном варианте – 12.01.13 г.*